

С ВОСТОКА СВЕТ, С ВОСТОКА СИЛЫ!..

Поэты Донбасса

Владислав Русанов

Родился 12 июня 1966 года. По образованию инженер-геологоразведчик, кандидат технических наук. Прозаик, поэт, переводчик. Автор 28 книг, выходящих в разное время в издательствах «Крылов», «Астрель» (Санкт-Петербург), АСТ, ЭКСМО (Москва), «Шико» (Луганск, Севастополь). Переводил с английского прозу Артура Конан Дойла, Грегори Киза, Джорджа Мартина, Джо Аберкромби, Гилиан Флинн, стихотворения Эдгара Алана По, Редьярда Киплинга и других.

Лауреат премии «Лунная радуга». Кавалер Ордена имени Ф. М. Достоевского I-й степени. Член Союза писателей Донецкой Народной Республики и России. Живет в Донецке.

ГОРОД

Уходит всё – виденья, знаки, сроки,
Стихи от первой до последней буквы.
Шуршит пергамент в горле, вязнут строки
И рифмы на зубах скрипучей клюквой.

Тень с запада зовёт, играет, манит
Похлёбкой за уступку первородства.
С натугой тянет скаредные длани
К востоку. Залп. И пала тьма на Город.

Но Город жив, и вопреки наветам
Восстанет, смерть поправ, неопалимый.
Чем гуще мрак, тем ближе час рассвета.
И знай – с востока свет, с востока силы!

ВАЛЬС ОБРЕЧЁННЫХ

Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несёт, а мы всё-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы всё-таки выживем.

Не голосите, холёно-престижные,
Будто мы сами во всём виноватые.
На небе облако белою ватой
Мчит в никуда, а мы всё-таки выживем.

Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвись, и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же – без Родины.
Вот как-то так... А мы всё-таки выживем!

* * *

Кресты кружатся воронья на небе белом.
Зафевралело в сентябре, зафевралело.
В разнос кибитку жизни мчит шальная кляча,
А небо плачет на ветру, а небо плачет.
Листает залп за разом раз судьбы тетради,
Ложатся «грады» у двора, ложатся «грады».
И ты летишь к земле ничком, люютуют мрази.
Из князей в грязь, упав щекой, от князей к грязи.
Выводит мины хвостовик шальное соло,
Шипит осколок в колее, шипит осколок.
Побрал бы чёрт и этот дождь, и эту осень,
И вдруг проносит артобстрел, и вдруг проносит.
А ты лежишь, обняв Донбасс, – пошире руки!
Такая штука эта жизнь, такая штука...

* * *

В этом городе любят вкладывать в рану перст.
Здесь работают тяжело, но тратят деньги легко.
Здесь каждый знает и свято хранит свой шест.
У кого-то это пилон, у кого-то – кол.

В этом городе любят правду сказать в лицо,
а не хватит правды, добавят снизу под дых.
Здесь терпеть не могут трусов и подлецов,
здесь мало гламурных, но очень много седых.

Здесь любят за дело, но и бьют за него ж,
за личины и маски, за свой и чужой «nevermore».
Здесь предательство портит печень, как острый нож.
Приехал, уехал, остался – один приговор.

В этом городе буйным цветом цветёт война.
Здесь в руинах окраины и в огнях бульвар.
Здесь каждая нервная клетка оголена –
хочешь, не хочешь, а нужно держать удар.

Здесь каждый сам себе апокриф и манифест,
сам себе слово и дело, тюрьма и сума.
В этом городе каждый взвалил и несёт свой крест.
В этом городе каждый по-своему сходит с ума.

* * *

Мой город. Мой Донецк. Моя печаль.
Вдохнул со стоном. Глухо. Больно. Стыло.
Так плачет оцинкованная сталь
от лёгкого прикосновенья била.

Молчит труба. Архангелы не спят,
взирают сверху вниз на толковище.
Лишь некто в белом с головы до пят
кричит, срываясь в рык, на пепелище.

А некто в чёрном скалит тридцать два
на кураже. Он зол, упрям и весел.
Где истина? Слова, слова, слова...
О славе, о героях, о насесте.

Ещё не вечер, не гудит набат,
ещё снаряды не жужжат слепнями.
Донецк не спит и, немотой объят,
молчит, вращая в тишину корнями.

* * *

Вольно или невольно
лучик разбился в луже.
Больно или не больно?
Слышишь, опять «утюжат»?

Страшно или не страшно?
Выйди, спроси в окопах.
Важно или не важно?
Это войны синкопа.

Зримо или незримо
снова иглы под кожу.
Мимо или не мимо?
Это узнаешь позже.

Брату или не брату
выплатишь кровью виру?
Правда или неправда
правит распятым миром?

Если того достоин,
жизни допишешь повесть.
Стоит или не стоит?
Это подскажет совесть.

* * *

У подножия Ородруина
переменчиво время течёт.
Я хотел рифмовать Украину
не с «руиной», а с чем-то ещё.

Но у зева раскрытой могилы,
где бессмысленно ждать новостей,
я рифмую сестрѣнку ИГИЛа
с разнотравьем донбасских смертей.

Край безумия и шовинизма,
у тебя антирусская статья.
Где найти мне таких эвфемизмов,
чтобы правильно зарифмовать?

ПАМЯТИ А. В. ЗАХАРЧЕНКО

И жил как жил,
бездумно смел,
последних жил
беречь не смел.

Не гнул хребет,
не кланялся
назло судьбе –
охальнице.

И в радости,
и в горести,
умел нести
добро в горсти.

Мог дать на хлеб,
а мог дать в глаз.

Жил на земле
не напоказ.

Умел врагам
смотреть в лицо,
жаль, недолга
тропа бойцов.

И в горле ком,
и в небо залп.
Земной поклон
на образа...

DELENDA EST!

Мы – Карфаген.
Когда майданный бес
кричит, ощерив клык,
«Delenda est!»,
когда простой мужик,
ушедший от покоса и межи,
напялив камуфляж и волчий крест,
снаряды подаёт, хрипя:
«Delenda est!»,
когда слащавый президент,
чьи руки
уже измараны в крови,
воркует в камеру: «Je suis...»,
но, позабыв красивый жест,
тон задаёт: «Delenda est!»,
мы – Карфаген.
Я – Карфаген.
Ты – Карфаген.
Он – Карфаген.
Да, Карфаген,
и он же – Брест.
Пуускай твердят:
«Delenda est!»
с экранов брошенной страны,
но ганнибаловы слоны
увидят жёлто-синий Рим,
и вот тогда поговорим,
что здесь бесчестье,
что здесь честь...
И кто из нас
«Delenda est!»

* * *

Год за два на войне, год за два.
 Наливается болью трава
 и скорбят без коры дерева,
 и уже не звенит тетива.
 Год за два на войне, год за два...

Год за три на войне, год за три.
 Если сердце без фальши внутри,
 поднимайся, иди и смотри,
 и дорогу другим протори.
 Год за три на войне, год за три...

Год за пять на войне, год за пять.
 Ты уже разучился мечтать,
 ты уже разучился летать
 и бредёшь через гиблую гать.
 Год за пять на войне, год за пять...

Год за семь на войне, год за семь.
 В бесконечном больном колесе,
 из которого выйдут не все
 по полыни в кровавой росе.
 Год за семь на войне, год за семь...

Анаит Агабекян

Родилась 11 марта 1987 года в Ереване. После Спитакского землетрясения, семья переехала на Донбасс. Окончила экономический факультет Донецкого национального технического университета. Работает в Донецком республиканском художественном музее.

Лауреат ряда литературных премий, поэтических фестивалей и литературных конкурсов. Публиковалась в коллективных сборниках, литературных альманахах и журналах Донбасса, России и Беларуси. Автор книги стихов и малой прозы «ТираноВремя». Член Межрегионального союза писателей и Международного союза писателей и мастеров искусств.

* * *

Помнишь, матушка говорила —
 в небе Боженька верховодит.
 Но бесовская эскадрилья
 в эту осень на небосводе
 вышивает крестами саван
 и роняет на землю иглы,

и, людей уподобив травам,
косит смерть – где кого настигла.
Не примерив солдатской робы,
вот и ты, паренёк, затравлен:
степь сокрыла тебя в утробе
мягким байковым разнотравьем.
Лёг туман, как сургуч на письма,
да и ветер почил без вести.
Ни слезой материнской, чистой
не омыт, ни мольбой невесты,
только пёс уцелевший чей-то
над тобою завоет в поле,
испугавшись багровой змейки,
что ползёт по височной доле.

* * *

Лучами солнца на заре
исполосованы предметы,
день предстаёт, как Назарет,
собой благовествуя свету,
что, завершив годичный круг,
от рубежа седьмой, особый,
в знак избавления от мук
день Рождества настал. Иссопом
в холодном крошewe зимы
нас окропит сошедший с неба
содеятель Любви. А мы
и малым обошлись вполне бы,
но мера благодсти Его,
как жизнь сама, непостижима,
и облачается легко
земля в ночной покой,
как в схиму.

* * *

Я в своём заколоченном мире
из болотистой были во тьму
погружаюсь. Там шёпот ковылий
неразборчив, подобно псалму.

Там тропа не выводит к купели
и соломинка сломана.

Мне
воздаётся, и вместо камелий
вдоль дороги лишь груды камней.

Ни мосты возводить, ни надежды
не хватает запала, а стыд
не избыть, словно сбросив одежды...
Знаю, там, у заветной черты

время ляжет не под ноги сажей –
Откровением на аналой,
и распнет не гвоздями, а каждой
ненаписанной мною строкой.

* * *

Идешь по наклонной аллее бульвара,
листва над тобою звучащим фанфарам
почти уподоблена. Почести эти
едва ли уместны в чаду лихолетий.

Небо седеющим тучным жандармом
смотрит, склонившись, как ищем бездарно
в каждой године себе оправданья
и с дерзновением требуем: «Дай нам

солнца, и хлеба, и счастья в придачу».
Только напрасно: дождём озадачив,
нас и природа, устав несусветно,
гонит штыками осеннего ветра.

* * *

Остановись, взгляни в окно, внимая знакам:
февраль-суфлер напомнит вскользь о Пастернаке,
что гул затих, и снег идет, а на подмостках
дворов и улиц городских совсем не броско
играют пьесу лицедеи-самоучки,
легко фальшивят, не боясь морозной взбучки,
а декорации нелепы и пространны...
и только занавес зимы сотрёт изъяны.

* * *

Ветер украдкой крадетя по кромке
неба над кронами. Минной воронкой
рана разверзлась под жёлтым камзолом
в солнцесплетеньи пшеничного поля.

Мешкая малость, с перин горизонта
не поднимается сонное солнце.

Спят по своим колыбелям овражным
дети-солдатики – наши и вражьи.

Жадно глотают предутренний холод,
вытянув шеи, стволы самоходок.
В небе шаманят и цыкают птицы –
пусть тишина чуть подольше продлится.

Но, оглушенные залпом и злобой,
встанут солдатики – взгляд исподлобья,
не убоятся потерь и блицкрига –
лишь неизбежности всем примириться.

* * *

Окрапивела жизнь, исполнилась,
где-то в зарослях будничных теплится.
Неразборчиво, как на латыни, нам
предписали в избыточной степени
принимать лихолетье войны.
Обезумевшим «градом» в июле мы
обездомлены, сломлены ужасом.
Врачевать бесполезно пилюлями –
вопреки нарочитому мужеству
безысходностью души больны.

Озаряется ночь то ли звездами,
то ли разнокалиберной россыпью,
из укрытий доносятся возгласы,
а мальчонка, увенчанный проседью,
сжал остывшую руку отца.
Здесь дожить до утра посчастливится
лишь угодным не Богу, а Случаю:
почему-то мольбы сиротливые
небосвод отрешенно не слушает,
обожжённый в потоках свинца...

Словно кадры из кинопроектора,
эпизоды военные в памяти.
Мы предстанем потомками Гектора,
на донбасских просторах распятыми,
не предавшими свой Илион.
Ковылями, взошедшими сызнова,
наши судьбы щитом назидательным
оградят эти земли от вызова
покориться врагам, и предателей
не возрастят до исхода времен.

* * *

Герои – на первом плане.
Им черной работы – ворох:
всю жизнь, как в хмельном дурмане,
закладывать страх за ворот.

Героям – мундир и слава,
но под пьедесталом – налечь:
глядит из толпы Варавва,
а серые кардиналы

героев толкают в бездну,
цинично приносят в жертву,
им тризны ведут помпезно,
роняя слезу в фужеры...

Герои не строят планов,
а ждут в сигаретном дыме,
когда же их к небу ангел
на белых крылах подымет.

* * *

В краю безначальных степей
нет ни масти, ни касты.
Живая земля не пропитана
духом стервятным,
лежит в облачении дивном
из угольных пластов –
под этим подрясником черным
созиждется святость...

Здесь воздух вибрирует болью,
как сердце поэта,
но всё же крепки и не вырваны
с корнем от скорби
живущие наперекор
всем ветрам и наветам,
став к Господу ближе,
чем крестик нательный к аорте.

Земле, испытываемой «градом»,
озоном и зноем,
преданье не ново, что ненависть –
битому козырь.
Но знающий истину
невозмутим и спокоен:
земля порождает шипы,
чтобы вырастить розы.

Иван Нечипорук

Родился в 1975 году. В довоенном прошлом – шахтёр с 20-летним подземным стажем. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянско-го ГПУ. Автор нескольких книг стихов, прозы и очерков. Публиковался в литературных журналах России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Киргизии, Казахстана, Болгарии, Германии, Австралии. Заместитель председателя Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Живет в Горловке.

ИЗГИБ ОКИ

Застыл октябрь. Изгиб Оки в Поленово,
Здесь стойкий аромат увядших трав.
И листья клёнов ветер пролистав,
Уносит светлый миг благословенного
Осеннего тепла сквозь звень дубрав.

И тают у реки леса усталые.
А за обрывом – луговая даль.
И неба безупречная эмаль
В закатный час зардеет краской алою,
И птичьим клином оборвёт печаль.

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
Окопы захлестнула мурава.
Земля кружилась словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

* * *

Когда земля уходит из-под ног,
Качаются деревья и стросенья,
И рвутся ленты скрещенных дорог,

И кажется, что этот мир оглох,
И чёрный рок кружит крылатой тенью,

Тогда твой страх и смутная тоска,
В скрижали дня записанные слитно,
Провалятся в грохочущий раскат.
И просвистят, как пули у виска,
Такие запоздалые молитвы.

* * *

Из младенческих печалей
Мы росли, как на дрожжах.
Мы беспомощны вначале,
В ширину пошли плечами
И ровней держали шаг.

Мы тянулись, мы мужали,
Впитывая каждый час,
Но исток не забывали:
Чтоб не ведать нам печалей,
Детство оставалось в нас.

Память детская не тает,
Не горит в слепом костре.
Слышишь, снова птичьей стаей
Колыбельные витают
Наших юных матерей?

ГОРЛОВКА. РЕ-БЕМОЛЬ МАЖОР

Подумаешь, осень!
Подумаешь, холод настал!
Всему своё время,
а значит, не надо печали!
Оставьте, оставьте
печали свои за плечами,
Пусть радость сияет
сквозь тучи, светла и чиста.

Пусть клёны шумят,
и кряхтят на ветру тополя,
Зато просветлились
домов стооконные лица.
Должно ведь, должно ведь
хорошее что-то случиться,

Бросай свою негу,
айда по проспектам гулять.

Пока площадные массивы
шумят и гудят,
Сворачивай в сквер
и дыши обомлевшей листвою.
Ведь каждая осень
в судьбе хоть чего-то да стоит,
И нам ли бояться
листвы под ногами дождя?

* * *

Мы всюду. Мы нигде. Идём
И зимний вечер нам навстречу.
Александр Блок

Я всюду! Я нигде! Завис меж двух миров,
И осень – ангел тьмы идёт за мной по следу.
Мне кажется, что я психически здоров,
Но почему-то жизнь порой подобна бреду,
Где всё в одном котле: и радости, и беды,
Где я утратил вес, друзей и отчий кров.

Я всюду! Я нигде! Звезда моя коптит,
И время ставит мне сплошные многоточья.
Притягивает зло моя душа-магнит,
И сердце по ночам досадой кровоточит.
Поник я, как тростник, но разум верить хочет,
Что для чего-то Бог ещё меня хранит.

ПОХОЛОДАНИЕ

Хороводит холод, свет не мил.
Этот ветер лют и быстрокрыл
Свищет в кронах мартовского сада...
И неясно, то ли Ангел вострубил,
То ли это отзвук канонады.

Потепленье оказалось сном,
Бытие перевернув вверх дном,
Март в безумных корчитя ужимках...

За моим простреленным окном
Вьётся одинокая снежинка.

ДЕРЖИСЬ, ГОРЛОВКА!

Не сдаётся зима, и осколки пронзают сугробы,
 Давят мысли и страхи, когда сам с собой не в ладу.
 Этот город – души моей вечный чернобыль,
 И алтарь, на который я сердце кладу.

Город-мученик, он, опалённый огнём «операций»,
 Так устал содрогаться и чувствовать привкус вины...
 Я молю: «Продержись! Мы должны продержаться!
 Есть надежда, что мы на пороге весны!»

Елизавета Хаманова

Окончила Харьковский национальный университет внутренних дел, юрист. Член Союза писателей России, Международной Славянской литературно-художественной академии (Болгария), заместитель председателя Донецкой региональной организации Межрегионального союза писателей. Автор поэтических и публицистических книг. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка». В настоящее время – студентка Литературного института им. М. Горького.

* * *

Когда-то вспомните меня – прохладной тенью среди зноя,
 Что не давала вам покоя... зовя, чаруя и маня.

Когда придёт черёд снегам,
 Мой образ, как предтеча лета,
 Вас будет мучить до рассвета,
 Зовя к лугам, полям, стогам...

И горечь трав, и сладость вин вам будет чудиться отныне –
 Едва моё возникнет имя среди заоблачных витрин.

Вы вспомните, что был апрель.
 И всё казалось мимолётным...
 Моя душа парит свободно,
 А рядом – рыцарь-менестрель.

Моей наивности святой, моей нелепости бездонной
 Простится всё... И лик мадонны покажется вам за чертой.
 Лекалом звёздного пути
 Моё продолжится пространство.
 Любви небесной постоянство
 Не превозмочь. Не превзойти...

НА РУСИ

Ладаном пахнет воздух.
Господи мой, прости!
...Из пенопений создан
Тот, кто рождён на Руси.

Небо залито светом
Сквозь череду дождей.
Пахари и поэты –
Дети Руси моей.

Нет, не за лёгким счастьем
К свету бредёт душа...
Свечечка не погаснет,
А за душой – ни гроша!

В этом святая сила
Каждого на Руси.
В шёпоте негасимом:
«Отче наш, иже еси...»

* * *

Слышу звук канонады, вижу отблеск огня...
Почему, Украина, ты стреляешь в меня? –
За какие ошибки мы повинность несём?
Отчего нет покоя ни ночью, ни днём?

Под разрывы снарядов – разорвётся душа...
Почему не даёшь ты ни спать, ни дышать?
Видишь, сила какая – не сдаёмся во власть!
...Здесь останусь навеки, коли здесь родилась –
То ль душою народа, то ли прахом в земле.
И неспетою песней в убитой стране...

ПАМЯТИ АРСЕНИЯ ПАВЛОВА («МОТОРОЛЫ»)

Наша Жизнь – войны валюта.
С ней играетс я иуда,
Ценность понижая круто –
До немислимых границ.
А на небе кружит ворон –
Вдовы воют дружным хором...
Проросли гнилые зёрна –
И взрастили... аушвиц.

Меньше нас ещё на брата –
Покидают мир комбаты...
Там – парады. Здесь – награды
лягут холодом на грудь.
В люльке – сын, малышка – дочка
Не помашут вслед платочком...
Роковой осенней ночью
Отбыл он в последний путь.

Кривоногая с косою
На Донбасс идёт войною.
И, рядом могилы роя,
На крови играет пир.
Над земной непрочной твердью
Кто-то яро крутит вертел,
Чтоб обрёл своё бессмертье
Рядовой и командир.

КАЗАХСТАН. ЯНВАРЬ 2022 ГОДА

И снова взрывы и поджоги.
Англоязычен этот дух.
Скажи, великая Эпоха,
Провозгласи сегодня вслух –

К кому отныне льнёт удача,
Кому же платят барыши,
Чтоб одурачить, чтоб изгладить
Казахских братьев рубежи,

За то, чтоб, словно в девяностых,
Горели крыши и тела,
Кого взвела ты на помосты,
Кому ты скипетры дала?

Сурова с нами ты, Эпоха...
Но не навек Олимп им дан! –
Освящена Россия Богом,
И с нею – крепнет Казахстан.

* * *

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

О жарких боях не дознается мать,
Об этом не скажут невесте.
Служить так служить! Воевать – воевать
С достоинством, верой и честью.

Лишь вздрогнет над ним голубой небосвод,
Завидев солдатскую ярость,
Услышав знакомую фразу: «Вперёд!»,
Что в русской крови прописалась.

И в схватке лихой он, мужчина-боец,
Познает свою же породу.
И грудью пойдёт на летящий свинец,
Не знамо ни леса, ни броду.

Но надо дойти. По-другому никак.
Добыть для России победу!
Сквозь дым рукопашных, сквозь ветер атак.
Сквозь память о подвиге дедов.

Мужчине за честь для страны послужить.
В том нет никакого секрета.
Уверенно скажет друзьям: «Будем жить!» –
И больше ни слова об этом.

ЖАТВА

Смертоносная жатва осени, приближающей «Час Быка»...
Все мы нищие, все мы босые... Но крепки и рука, и строка.
Все мы странники безнадежные по дороге в небесный край.
И бредём к Алтарям... безбожные. А не спрятался, – погибай.

Нам привычно пером и шпагою выбирать свой дальнейший путь.
Но взлетает Душа – не падает... когда пуля достанет грудь.
Все мы держимся эфемерностью, иллюзорностью бытия...
Только б нам доставало смелости застилать свою жизнь в поля.

Смертоносная жатва осени... Надо выдержать новый бой.
Под наркозом ли... под колёсами... не раздавлены под пятой!
И не каменные, не свинцовые, не металлом влитые в жизнь, –
Будут розы цвести – садовые, словно символ: «Донбасс, держись!»

Сколько жатва ещё протянется? – Всё мы выдюжим, вот те крест!
Не бывало, чтоб Каин каялся... Но распятый-то Сын воскрес!..
«Час Быка» невозврата точкою отмечает ладони нить.
Но Донбасса сыны и дочери, – вот те истина! – будут жить.

* * *

Наша встреча, как будто контрольный выстрел.
Как случилось? – Себя без тебя не мыслю...
Западня этих чувств погружает в страхи.
И желаю всего я – и петь, и плакать.

Этот омут тоски – погруженье в небо...
Неужели мы станем водой и хлебом
Друг для друга... спасём этой пищей души?
И разрушим границы, закон нарушим?

Намагничены двое до беспределья.
Как десерт кто-то подал нам это зелье.
Как такое возможно, и где взять силы,
Чтоб тебя не назвать обречённо... – милым?

Вулканируют чувства, слабеет тело...
Мы с тобою вдвоём – под одним прицелом.
И становится выбор предельно ясным –
Я ступаю по краю... и путь опасен.

Но вдали, на стальном острие кинжала,
Я спасенья не жду – я ищу пожара,
Первородного плена твоих объятий,
И мольбы... и молитвы... стихов... проклятий...

* * *

А помнишь февраль? Мы счастливыми были...
Ловили устами ночную зарю.
И «небо в алмазах», под звёздную пылью
Следило, как я тебе нежность дарю.

Как ты прикасался к вечернему свету,
Задумчиво гладил меня по щеке...
Как рушились нормы, приличья, запреты,
Тонули туманы в глазах, как в реке.

Как в утренний час улыбался нам город,
и совесть ко мне становилась строга.
Но счастливо солнце трепало за ворот
упавшие этою ночью снега.

* * *

Мой город удаляется за мной,
Струится словом в дальнее пространство,
Простив моих дорог непостоянство,
Простив судьбу, разбитую войной.

В осколках этих – правда и слеза,
И приговор разлуки бесконечной...
И ни одна дорога не излечит
Тех слов, что больше некому сказать.

Накинув на распяты палантин,
Ношу сей груз по солнечной планете.
И улыбаюсь старикам и детям,
И лью слезу за темнотою гардин.

Но он со мной, – скиталец, как и я.
Он, как и я, рождён держать созвездья.
Мы с ним вернёмся – светлой доброй вестью
К родному Слову, к дедовским полям.

* * *

Кто многое терял, тот не спешит терять...
Кто был убит, тот ценит жизнь чужую.
К воскресшим адресам идём за пядью пядь
И Бога поминаем нынче всеу.

Эпоха бьёт ключом, взрывает в окнах свет,
Не отсидеться в тёпленькой квартире...
Поди же разберись, где истина, где бред.
Но цель ясна – она гласит о мире.

Задачи нет светлей, когда в прицеле – ночь,
А имена друзей уносит с ветром...
Но только б не упасть, успеть другим помочь,
Преодолев часы и километры.

Земля трещит по швам. И мы теряем след
Всех тех, кого бы накрепко да к сердцу.
Пройдёт пора потерь... Придёт черёд побед!
И можно будет сесть и отогреться.

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

Ты – эпоха и мессия,
Я – печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно иву у реки,
Словно длань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флягу для солдата,
И для путника – ручей.

Окорми стихом Завета,
 Дай пройти твой пыльный путь.
 Я тебе за всё за это
 Пригожусь когда-нибудь.
 И прикрою грудью верной,
 И вдохну вторую жизнь.
 Стану над твоим рассветом
 Будни светлые вершить.
 Ну а если оборвётся
 На тебе моя строка,
 Небу русскому всплакнётся, —
 И наполнится река...
 Не ищу судьбы красивой, —
 Век мой странный и благий.
 Сбереги меня, Россия...
 Для себя же сбереги.

Александр Савенков

Родился 10 апреля 1964 года в Горловке Донецкой области. Работает строителем в родном городе. Стихи публиковались в литературных журналах Донбасса, России, Украины, в коллективных сборниках и антологиях. Автор книги «Скудное время». Лауреат литературной премии им. П. Беспощадного и всероссийских конкурсов им. Николая Тряпкина и «Донбасс никто не ставил на колени». Член Союза писателей России.

* * *

к полудню город вымирает...
 пустеют улиц рукава,
 голодный пёс бежит по краю
 разбитых бордов в свой подвал,
 и над цветочными рядами,
 пугая брошенную тварь,
 горящий тур сулит динамик,
 глотая полые слова...
 и даже сизокрылых стая,
 что с рук кормили час тому,
 к полудню тоже отлетает,
 как души в голубую тьму,
 и солнце, медленно склоняясь
 за горизонт в кроващих швах,

глядит, как призрак изменяет
своим привычкам и правам...
и с темнотою пустой и страшной,
жару сменившей на часы,
собачий вой, как в рукопашный,
идёт движением косым...

ПИСЬМА ИЗ АДА

он, смеясь, ответил мне:
«встретимся в аду».

А. Ахматова

1

она сказала: «встретимся в аду»
и если я всё верно понимаю,
то на беду, на страшную беду
в одном году сошлись три чёрных мая

2

я пишу тебе из ада
на слепом излёте дня:
кладбище разбито «градом»,
дом на линии огня,
хлеба нет, надежда только,
что поможет лямку бог
нам тянуть с соседским колькой,
раз уж чёрт нам не помог,
во владениях айда
шоколадный жирный чёрт...
ну, прощай, сестрёнка лида,
может, свидимся ещё

3

вот и медовый спас...
только б хватило сил:
рядом рванул фугас,
мальчик заголосил...
но и в своём аду
город ещё живой:
очередь в триста душ
за питьевой водой

4

от страха – смех нервно-сладкий,
а от смешного – не смешно,
где даже спящие с оглядкой
лихую коротают ночь.

быть может, всё свершится скоро,
но час здесь тянется сквозь дни,
и люди так вкрапились в город,
что их стирают вместе с ним

5

им нет покоя – ангельский уют
саднит и колет там, где сердце билось,
им видно землю грешную свою
до мелочей, вплоть до своих могилоч...

6

лучше войны никто не научит
самым простым вещам:
долго ли ждать,
что значит сущий,
стоит ли обещать
плачущим детям
детство как праздник,
светлый покров небес...
прошлой и будущей
выверив разность
веры в самом себе

7

когда вы были молодыми,
именно в те полмига
подыскивал мне ангел имя
в апрельских книгах,
на тёмной дудочке играя,
смывая переливом нот
воспоминания о рае,
что будет всё наоборот,
и в разлинованной тетради,
как на фейсбуковой стене,
воспоминания об аде
запечатлеются во мне

8

пустые слёзы на щеках
под ветром стылым:
всё то, что мнилось – на века! –
сошло в могилу.
талдычат суетные дни
войны законы,
да колоколенка бубнит
чудные звоны

и чья-то жизнь длиною в шаг
из ада в царство,
пока другой душе душа
плетёт мытарства

9

но мы друг другу стали ближе,
иного не нажив добра,
когда всю пытались выжить,
чтоб научиться умирать

10

и кто-нибудь потом напишет:
здесь люди-стены, люди-крыши,
как дети, мечутся во сне,
и кровь, как звон,
в набрякших венах
о всех невинноубиенных
на диком поле наших дней.

* * *

небо рушилось на дома,
камни брызгали ало...
так хотелось сойти с ума
и не получалось.

накрывала и кровь, и боль,
жирная копоть...
так хотелось, чтоб мир – любовь,
а не окопы.

искорёженной жизни ось
просто вырвут, как жало...
запрягай, мужичок, «авось»,
трогай помалу.

* * *

январь, канун крещенья, иней
с ветвей слетает так картинно,
и мы бежим по паутине
протоптаных в снегу тропинок
в убежище, в слепую сырость,
где, забыв о всяком зле,
дворовый кот покойно, с миром
спит на строительном козле.

* * *

бывает так, и было так, и будет:
внезапность, очертив незримый круг,
тасует судьбы на зеркальном блюде,
как мишуру на ледяном ветру...
ещё покоен дом, и дети рядом,
и ужин на столе горячий, но
смерть за спиной стоит с холодным взглядом
и смотрится в разбитое окно...
и треснет время в деревянном чреве,
и протечёт забвением имён,
и дочке будет пять, а сыну – девять
отныне до скончания времён.

* * *

затишье... в оцеплении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
везде: в доме, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты,
и тишина становится иконной.

К ПОСЛЕДНЕМУ ЗВОНКУ

хороший день, до одури простой:
цветёт сирень, слеза судьбу не точит,
и греются ежи у блокпостов,
и школьный сторож драит колокольчик...
над городом, распаханном в боях,
растают души в голубинность рая,
и бродит ветер с запахом дождя
дворами мая...

* * *

думает, дикий, из камня и глины он,
а взглядеться в дома и арки –
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой

